

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.239-256>

УДК / UDC 378.014(470+571)

JEL: H52, H75, I2, I23, P46

Д. И. Шахова¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Основные проблемы реформирования российской системы высшего образования: нормативные акты и взгляд профессиональной среды

Шахова Дарья Игоревна, аспирант, Южный федеральный университет
E-mail: dmokrousova@sfedu.ru
eLIBRARY SPIN-код: 4747-7440

Аннотация

Цель: выявление особенностей сложившейся институциональной среды системы высшего образования в России, в том числе определение уровня доверия как в обществе, так и внутри самой системы образования, существующего уровня асимметрии информации относительно предстоящих изменений в связи с уходом от Болонской системы, а также ожиданий основных акторов от проводимого реформирования. Выявление существующих в профессиональной среде нарративов необходимо для повышения успеха предстоящего внедрения новых формальных норм и снижения вероятности появления стимулов к оппортунистическому поведению, которое возможно в случае «неустановления внутренних отношений в соответствии с отношениями внешними».

Методы: при решении исследовательской задачи главным образом использовались методы нарративного анализа и дискурс-анализа, а также проведение глубинных интервью с преподавателями вузов.

Результаты: выявлено, что для России характерен низкий уровень доверия в обществе, колебания которого коррелируют с происходящими изменениями в экономической и социальной сферах, а также низкий уровень информированности населения и непосредственных акторов системы высшего образования о предстоящих изменениях. Результаты проведенных интервью показали наличие осторожного отношения со стороны профессорско-преподавательского состава к любым изменениям (в том числе и к текущим), которые, по их мнению, могут привести скорее к повышению уровня бюрократизации, чем к решению существующих проблем недостатка финансирования образования и науки, повышенной нагрузки преподавателей. Также отмечены особенности поведенческих паттернов студентов в виде низкой вовлеченности во внеучебную деятельность вуза, относительно невысокой оценки уровня престижности профессии ученого, а также межпоколенческие отличия, влияющие на стимулы обучения в высшей школе.

Научная новизна: обоснование значимости анализа и мониторинга существующего уровня доверия, сложившегося у акторов в системе высшего образования для более эффективного реформирования данной системы.

Практическая значимость: положения и выводы могут быть использованы в дальнейшем для изучения влияния проводимых реформ на систему высшего образования.

Ключевые слова:

экономическая теория, система высшего образования, доверие, реформа системы высшего образования, Болонская система образования, асимметрия информации, неформальная среда вуза, престиж профессии ученого, коммуникация вузов в Интернете

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Шахова, Д. И. (2025). Основные проблемы реформирования российской системы высшего образования: нормативные акты и взгляд профессиональной среды. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 239–256. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.239-256>

Scientific article

D. I. Shakhova¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Main problems of reforming the Russian higher education system: regulations and the view of the professional community

Daria I. Shakhova, post-graduate student, Southern Federal University
E-mail: dashamokrousova@mail.ru
eLIBRARY SPIN-code: 4747-7440

Abstract

Objective: to identify the features of the current institutional environment of the higher education system in Russia; in particular, to determine the level of trust both in society and within the education system, as well as the existing level of information asymmetry regarding upcoming changes due to the exit from the Bologna system and the main actors' expectations from the ongoing reform. It is necessary to identify the existing narratives in the professional environment in order to promote the upcoming introduction of new formal norms and reduce the likelihood of incentives for opportunistic behavior, which is possible if "internal relations are not in accordance with external ones".

Methods: when solving the research problem, the methods of narrative analysis and discourse analysis were mainly used, as well as in-depth interviews with university professors.

Results: the research revealed that Russia faces a low level of trust in society, fluctuations in which correlate with ongoing changes in the economic and social spheres. Another feature is a low level of awareness among the population and direct actors of the higher education system about upcoming changes. The interviews showed a cautious attitude of the teaching staff towards any changes (including current ones), which, in their opinion, may lead to an increased bureaucratization rather than to solving the existing problems, such as low funding of education and science and high workload of professors. The author also noted students' behavioral patterns, such as low involvement in extracurricular activities at university, a relatively low opinion about the prestige of academic profession, and intergenerational differences affecting the incentives for higher education.

Scientific novelty: the author substantiates the importance of analyzing and monitoring the existing level of trust among actors in the higher education system in order to increase the effectiveness of its reform.

Practical significance: the provisions and conclusions can be used in the future to study the impact of ongoing reforms on the higher education system.

Keywords:

economic theory, higher education system, trust, reform of the higher education system, Bologna system of education, information asymmetry, informal environment of a university, prestige of the academic profession, communication of universities on the Internet

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Shakhova, D. I. (2025). Main problems of reforming the Russian higher education system: regulations and the view of the professional community. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 239–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.239-256>

Введение

Ускорение изменений в технологической сфере приводит к все большей необходимости формирования подходящих институциональных условий для распространения и усвоения знаний. При параллельном развитии технологий и повышении уровня человеческого капитала формируется «благодетельный цикл», который заключается в следующей закономерности: ускорение технического прогресса увеличивает спрос на человеческий капитал, развитие которого в свою очередь приводит к дальнейшим технологическим сдвигам (Perry et al., 2006. Pp. 13, 80).

Проблема реформирования системы высшего образования имеет достаточно богатую историю изучения, в частности, изучения различных механизмов управления, а также их влияния на результаты проводимой государственной политики (McLendon, 2003. P. 57). Исследователями высказываются противоположные мнения относительно вопросов уровня автономии университета, предполагающего различный уровень участия государства в финансировании и управлении системой высшего образования: некоторые исследователи считают расширение самостоятельности при принятии решений, связанных с развитием образовательного и научного процессов, важным этапом по преодолению существующих ограничений развития университетов (Васильев и др., 2020. С. 898). Важность повышения автономии отмечалась также и респондентами в ходе проводимых в рамках настоящего исследования интервью (Приложение 1. Высказывание 9). Но при этом важность участия государства в данном процессе исследователями не оспаривается (Кошелева, 2021. С. 73). Существуют различные критерии оценки эффективности проводимой политики в области высшего образования, например, некоторые авторы считают, что основной задачей данного реформирования является создание необходимой институциональной среды для претворения в жизнь идеи «образования длиной в жизнь» (*lifelong learning process* (Alt & Raichel, 2022. Pp. 370–371) и способствование дальнейшему развитию цифровизации данной сферы (Mozelius et al., 2024. P. 27). Другие авторы подходят к вопросу реформирования университета более глобально и считают, что так как роль университета постоянно меняется, то сначала крайне важно определить глобальную миссию университета: «Больше уже непонятно, ни каково место университета в обществе, ни какова истинная природа данного общества, интеллектуалы не могут позволить себе игнорировать это изменение институциональной формы университета» (Ридингс, 1996. С. 11). Изучение данных исследований крайне актуально в условиях планируемых масштабных изменений в системе высшего образования в нашей стране.

Согласно подписанным в феврале 2024 г. указам президента о Стратегии научно-технологического развития России и национальных целях развития страны, период с 2022 г. является «этапом мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления»¹. Также в 2022 г. было впервые объявлено о планах ухода от Болонской системы образования, действовавшей с 2003 г., к новой модели образования, основными целями которой, по словам министра образования В. Фалькова, являются «усиление фундаментальных начал и качественная практикоориентированность»². Результаты перехода к Болонской системе оцениваются различными исследователями достаточно противоречиво: О. С. Гилязова и А. Н. За-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. (2024). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>

² Валерий Фальков провел совещание «О предварительных итогах 2024 года и планах на 2025 год» с ректорами российских университетов. (2024, 17 декабря). Минобрнауки России. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/92854/>

мощанская (2023. С. 311) отмечают, что в целом в рамках реализации Болонской декларации Россия не получила желаемых результатов и особого прорыва в развитии образовательной сферы в стране не произошло. Другие авторы отмечают, что существующие проблемы в системе высшего образования связаны не только с Болонской системой, многие из них в форме снижения качества высшего образования и подготовки научных кадров носят комплексный характер и появились еще до перехода к Болонской системе (Бермус, 2025. С. 45). О необходимости разработки собственного пути развития системы высшего образования в России начали говорить задолго до намерения выйти из Болонского процесса (Андропова, Лаптева, 2020; Васкевич, 2017; Воронин, 2021; Григорьевский и др., 2021). Однако, несмотря на достаточно активные дискуссии в академическом сообществе относительно поиска наиболее подходящих для отечественной системы образования путей развития, исследователями отмечается, что «количество исследований, посвященных проблемам текущего реформирования высшего образования в России в настоящее время относительно невелико по причине отсутствия данных о результатах реализации пилотного проекта³, на основании которого можно было бы выявить какие-то закономерности» (Бермус, 2025. С. 45).

Целью предпринятого нами исследования является подтверждение гипотезы о существовании низкого уровня доверия основных акторов системы высшего образования (преподавателей вузов) к процессу реформирования, что является ограничением эффективности проводимого реформирования и актуально ввиду планируемых в настоящий момент изменений в виде ухода от Болонской системы. Недопонимание и недооценка проблемы доверия в контексте реформирования университетов могут быть причиной неэффективности реформ, проводимых в Высшей школе (Шуклина, Певная, 2017. С. 120). Предполагается, что низкий уровень доверия, в свою очередь, обусловлен следующими причинами:

- 1) отсутствием системности проведения реформирования, связанным со все ускоряющимися изменениями, нестабильностью в экономических, внешнеполитических, социальных отношениях;
- 2) тем, что проводимые реформы не решают существующие в системе высшего образования проблемы, что в свою очередь влияет на уровень доверия акторов к ним. Это связано с тем, что уровень доверия к институту зависит в том числе от степени достижения данным институтом значимых для акторов целей, недостижение которых снижает успешность взаимодействия акторов и, соответственно, вызывает недовольство (Ширяев и др., 2019. С. 3).

Для понимания степени достижения значимых для акторов высшего образования целей необходимо выявление основных проблем, существующих в системе высшего образования, и ожиданий акторов в отношении планируемого реформирования системы высшего образования. Существующие в системе высшего образования ожидания ее акторов, стимулы их деятельности формируют те самые внутренние отношения, которые, согласно Веблену, должны быть «установлены в соответствии с внешними отношениями для обеспечения движения общества вперед» (Веблен, 1984. С. 203) или, иными словами, для достижения институциональной устойчивости важно, чтобы неформальные институты⁴ являлись дополнением к формальным.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- анализ влияния процесса реформирования на уровень доверия акторов, в адрес которых данное реформирование проводится;
- анализ существующих различий между формальными и неформальными институтами, а также способов их взаимовлияния друг на друга;
- проведение качественного исследования в форме глубинных интервью с целью выявления существующих в профессиональной среде (среди преподавателей вузов) нарративов относительно их осведомленности о планируемом реформировании системы высшего образования и выявления существующих в данной

³ В данном пилотном проекте по апробации новой модели высшего образования участвуют: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Национальный исследовательский университет «Московский авиационный институт», Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов», Московский педагогический государственный университет, Санкт-Петербургский горный университет и Томский государственный университет. (Минобрнауки России и вузы в рамках пилотного проекта подготовили новые перечни специальностей для национальной системы высшего образования. (2023). Минобрнауки России. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/69686/>).

⁴ Согласно Д. Норт, неформальные институты в совокупности с формальными институтами и механизмами принуждения исполнения правил создают систему стимулов, действующих в экономике и других сферах общества (Бахарева, 2012).

системе проблем, решение которых является тем результатом, который ожидается от реформаторов в рамках проведения реформирования системы высшего образования;

- обоснование значимости изучения особенностей неформальной среды для понимания процесса институциональных изменений и экономического развития;
- анализ сложившейся неформальной среды системы высшего образования.

Статья состоит из введения, пяти параграфов, заключения, списка использованной литературы, включающего 35 источников.

Влияние процесса реформирования на уровень доверия акторов, в адрес которых данное реформирование проводится

Данную «дилемму» законодательного органа наглядно демонстрирует концепция «динамической непоследовательности экономической политики», согласно которой непоследовательность экономической политики может привести к повышению репутационных издержек, что в будущем может снизить доверие общества к проводимым изменениям. Таким образом, законодатель в условиях асимметрии и неполноты информации выступает «канатоходцем», который в условиях необходимости проведения изменений сталкивается с выбором между повышением репутационных рисков, а также повышением уровня недоверия со стороны общества и проведением последовательной политики, заимствующей содержание старых, уже продемонстрировавших свою неэффективность, но привычных институтов. Ввиду существующих неформальных норм в обществе степень недоверия и принятия проводимых реформ может варьироваться, так же как и степень «абсорбционной» способности той или иной страны в случае внедрения/заимствования эффективных, зарекомендовавших себя институтов.

При этом, согласно теории шума при принятии решений, автором которой является известный представитель поведенческой экономики Д. Канеман, решение законодателя о введении нового закона/правила ограничено не только выбором, описанным выше, но и выбором между двумя формами планируемых изменений – жестких правил или стандартов⁵. Установление жестких правовых норм оправдано в том случае, если целью является устранение возможности применения альтернативных решений и, соответственно, ограничение возможности принятия решений на основании экспертных суждений, основным недостатком которых являются субъективность и высокая вариативность⁶. Стандарты же, напротив, предполагают широкую вариативность суждений, так как не содержат четкого руководства к действию, а лишь задают рамки, в пределах которых эксперты (в виде судей, врачей, учителей и др.) будут выстраивать свое поведение. И ввиду существующей неоднородности общества, в рамках функционирования которого планируется введение той или иной нормы, а также асимметрии и неполноты информации относительно существующих в данном обществе внутренних неформальных правил, выработка единого жесткого правила всегда чревата потенциальным отклонением от правила части группы (проявление оппортунистического поведения). Именно поэтому создание жестких норм достаточно трудозатратно ввиду необходимости учета большого количества факторов для создания единого правила, отклонение от которого будет минимальным.

Также при осуществлении выбора между правилами и стандартами необходимо учитывать влияние следующих факторов⁷:

1. Цена решения (высока в случае применения стандартов, так как требует временных и интеллектуальных затрат для принятия решения).
2. Цена ошибки (некомпетентность экспертов отразится на принятии решения).

Интересно, что применение той или иной формы законотворчества (так же, как и само принятие решения законодателя о смене нормы) зависит в том числе и от существующего в данном обществе уровне доверия⁸.

⁵ Канеман, Д., Сибони, О., Санстейн, К. (2021). Шум. Несовершенство человеческих суждений. Litres. С. 419.

⁶ Для описания широкого разброса принимаемых решений ввиду влияния посторонних факторов в тех случаях, когда вариативность не предусмотрена, Д. Канеман использует термин «шум при принятии решений».

⁷ Канеман, Д., Сибони, О., Санстейн, К. (2021). Шум. Несовершенство человеческих суждений. Litres. С. 419.

⁸ А. Б. Купрейченко отмечает «высокое значение доверия в регуляции жизнедеятельности различных индивидуальных и групповых субъектов» (Купрейченко, 2008. С. 21).

Если уровень доверия низкий, то гибкость принятия решения также будет ниже и, соответственно, будет востребована форма применения жестких правил, снижающая вариативность суждений, которым не доверяют. И напротив, в обществе с высоким уровнем доверия, в том числе к экспертам, стандарты будут доминировать над правилами.

Институциональный контекст проведения реформ в России

В России, согласно количественным показателям индекса доверия, наблюдается исторически низкий уровень доверия в обществе (его сильное падение с 35 до 23 % произошло в период с 1993 по 1998 г. (рис. 1) – время экономических «шоковых» реформ), что в совокупности с высоким индексом избегания неопределенности, высоким индексом дистанции власти, измеренным по методике Хофстеде⁹, приводит к тому, что население не отождествляет себя с институтами государственной власти и, соответственно, с созданными этими институтами правилами (в виде нормативных актов и иных форм законодательства) (Шахова, 2023. С. 39; 2024. С. 69).

В связи с этим могут возникать практики оппортунистического поведения, так как если индивид, в отношении которого направлены изменения, на внутреннем уровне принимает тот или иной институт, то он будет следовать ему по привычке без принуждения, если же, наоборот, данного принятия нет, то данный институт будет действовать как механизм ограничения поведения и будут возникать стимулы к оппортунистическому поведению (Шахова, 2023. С. 67).

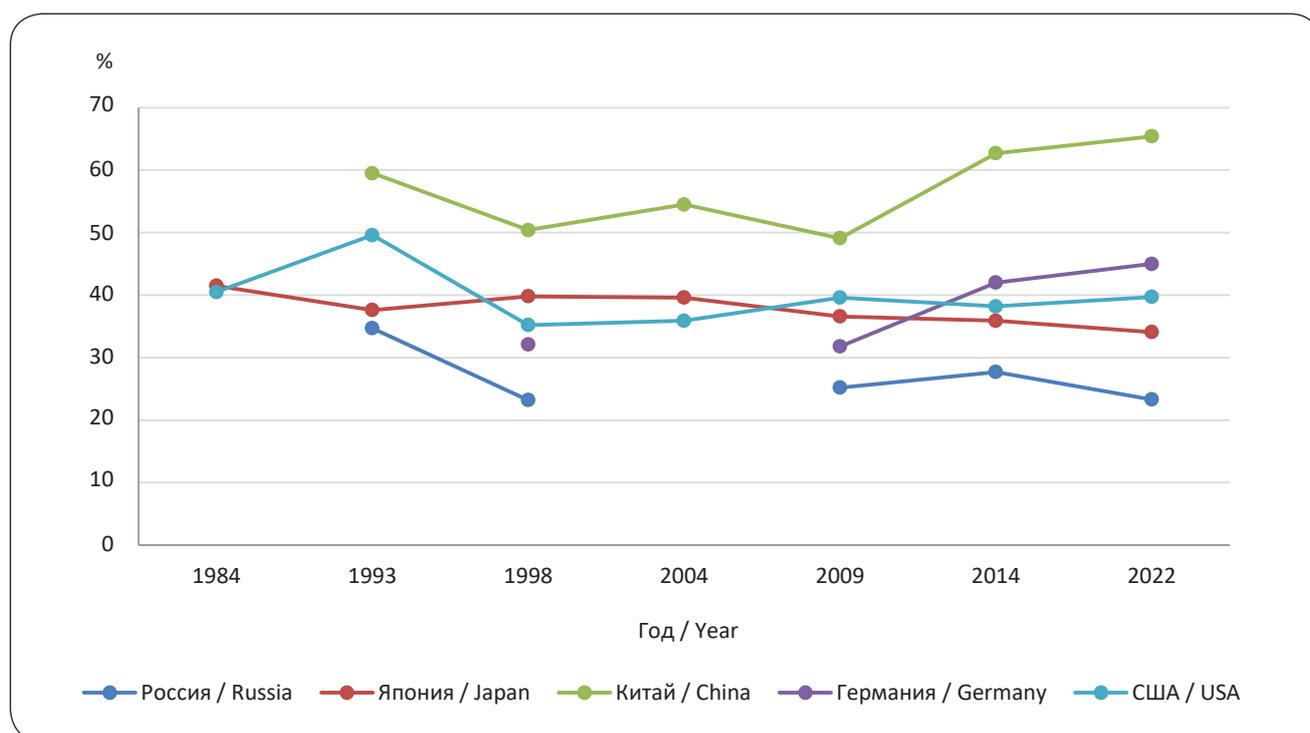

Рис. 1. Изменение доли населения, согласной с утверждением, что большинству людей можно доверять

Источник: составлено автором на основе Ortiz-Ospina, E., Roser, M., & Arriagada, P. (2024, April). Interpersonal trust around the world. Our World in Data. <https://ourworldindata.org/trust>

Fig. 1. Share of the population supporting the statement that most people can be trusted

Source: compiled by the author based Ortiz-Ospina, E., Roser, M., & Arriagada, P. (2024, April). Interpersonal trust around the world. Our World in Data. <https://ourworldindata.org/trust>

⁹ Данная методика позволяет изучать «ментальные программы» общества на основе собранных анкетных баз данных (Латова, 2016).

Как было отмечено выше, для достижения институциональной устойчивости важно, чтобы неформальные институты являлись дополнением к формальным, заполняли существующие лакуны в формальной институциональной структуре – именно в этом случае можно говорить о возможности приближения к институциональному равновесию (Фуруботн, 2005. С. 34). Существует большое количество определений различий между формальными и неформальными нормами, например, В. Л. Тамбовцев в качестве данного различия указывает наличие/отсутствие механизма принуждения к исполнению (Тамбовцев, 2020. С. 10) – в случае с формальными нормами данные механизмы специализированы, с неформальными – нет. К. Уильямсон в качестве данного критерия выделял спонтанность – неформальные правила возникают спонтанно (Williamson, 2012. Р. 4) и не являются частью юридической системы (Попов и др., 2018. С. 221). Стоит здесь также добавить, что неформальные нормы «зачастую основаны на религиозных, идеологических и эмоциональных факторах и обеспечиваются внутренними установками человека» (Либман, 2006. С. 54–55).

Степень взаимосвязи существующих в обществе формальных и неформальных норм можно описать с помощью следующей типологии, предложенной Г. Хелмке и С. Левитски (Helmke & Levitsky, 2012. Р. 12):

1. Взаимодополняющие: в обществе функционируют формальные институты, к которым у членов общества есть доверие и которые в той или иной мере согласуются с существующими неформальными нормами. Более того, существующие в формальных нормах лакуны (данные пустоты – это какие-то проблемы или нестандартные ситуации, регулирование которых законодательно не закреплено) заполняются неформальными нормами без нарушения системной целостности формальной структуры.

2. Согласующие: существует некоторый конфликт формальных и неформальных институтов, но его последствия могут быть минимизированы путем механизма их согласования, который заключается в некоторой модификации формальных норм в соответствии с неформальными нормами – ярким примером является политика *Gedogen* в Нидерландах (Barendregt, 2011. Р. 6). Данная политика подразумевает смягчение или отсутствие наказания в определенных случаях, в том числе в случае возникновения конфликта в связи со следованием определенному формальному правилу.

3. Конкурирующие: из-за несоответствия формальных институтов с существующими культурными нормами, обычаями у представителей данного общества возникает выбор либо следовать неформальным, либо формальным, так как одновременное следование обоим невозможно ввиду их явной разнонаправленности.

4. Замещающие: неэффективные формальные нормы не просто конкурируют с неформальными, но и в некоторых случаях замещаются ими. Примером может служить способ избрания президента в Мексике не согласно правилам, описанным в Конституции, в избирательном праве и иных нормативных актах, а по принципу *dedazo* («большой палец») (Зазнаев, Сидоров, 2019. С. 30) – действующий президент мог по этому правилу выбрать круг своих преемников и ограничить участие в выборах других кандидатов.

Понимание существующей в обществе конфигурации формальных и неформальных норм может снабдить законодательный орган полезной информацией относительно потенциальных ограничений, которые могут возникнуть в ходе процесса реформирования. Данную информацию можно использовать, согласно В. М. Полтеровичу, для построения в случае необходимости промежуточных институтов (Полтерович, 2012. С. 26), которые сделают процесс перехода к новым формальным нормам более плавным и безболезненным.

Важность данной предварительной «институциональной настройки» демонстрирует понимание причин падения уровня доверия в России – согласно данным рис. 1, это произошло как раз в период проведения «шоковой терапии». Эта закономерность демонстрирует негативную реакцию части населения на резкие изменения без предварительной «институциональной настройки», без проведения промежуточных, более мягких реформ. Ввиду исторической памяти среди населения могло закрепиться «осторожное» отношение к будущим реформам, и в данном случае проблема повышения социального доверия становится крайне важной, особенно накануне проводимых реформ, в том числе в системе высшего образования.

Влияние асимметрии информации на уровень доверия

В сфере высшего образования доверие выступает «скрепляющим базисом для всех акторов, обеспечивает устойчивость, стабильность высшего образования как института и его дальнейшее развитие» (Ширяев и др., 2019. С. 151) или своеобразным клеем, скрепляющим общество и сдерживающим его от дальнейшей фрагментации (Амбарова и др., 2019. С. 11). Снижение уровня недоверия возможно при условиях повы-

шения уровня прозрачности и закономерности проводимых реформ, снижения уровня асимметрии и неполноты информации. Согласно проведенным опросным исследованиям среди 1 200 человек в возрасте от 18 до 55 лет, лишь каждый пятый респондент знаком с планируемыми изменениями в системе высшего образования, что показывает существующую асимметрию информации в области предстоящих достаточно серьезных изменений (рис. 2).

Степень серьезности проводимых реформ можно оценить с точки зрения степени влияния на основные элементы образовательного процесса (структуру, методологию и содержание образовательного процесса). На основании анализа интервью с министром науки и высшего образования¹⁰ отметим, что планируемые изменения коснутся всех трех основных элементов образовательного процесса:

1. Структуры: в рамках пилотного проекта предложена следующая структура образовательного процесса: базовое высшее образование со сроком обучения от четырех до шести лет в зависимости от направления и профиля подготовки (вместо бакалавриата). Магистратура остается в качестве специализированного высшего образования и может быть реализована либо в виде этапа образования для углубления практической подготовки, либо в виде этапа углубления исследовательской, научной подготовки. Сроки обучения гибкие – от одного до трех лет. Важным отличием от Болонской системы образования может стать предполагаемый запрет на обучение в магистратуре лиц, не имеющих базового высшего образования соответствующего профиля (Гребенкин, 2024. С. 516). Аспирантура же утрачивает статус ступени образования и становится специализированным обучением, направленным на подготовку научных кадров. Таким образом, можно заметить, что увеличение срока обучения и отсутствие возможности учиться в магистратуре не по полученной специальности компенсируются новыми возможностями в выборе траектории своего развития, гибкими сроками обучения в зависимости от конкретной образовательной программы, и при этом данные шаги обеспечат улучшение качества подготовки студентов.

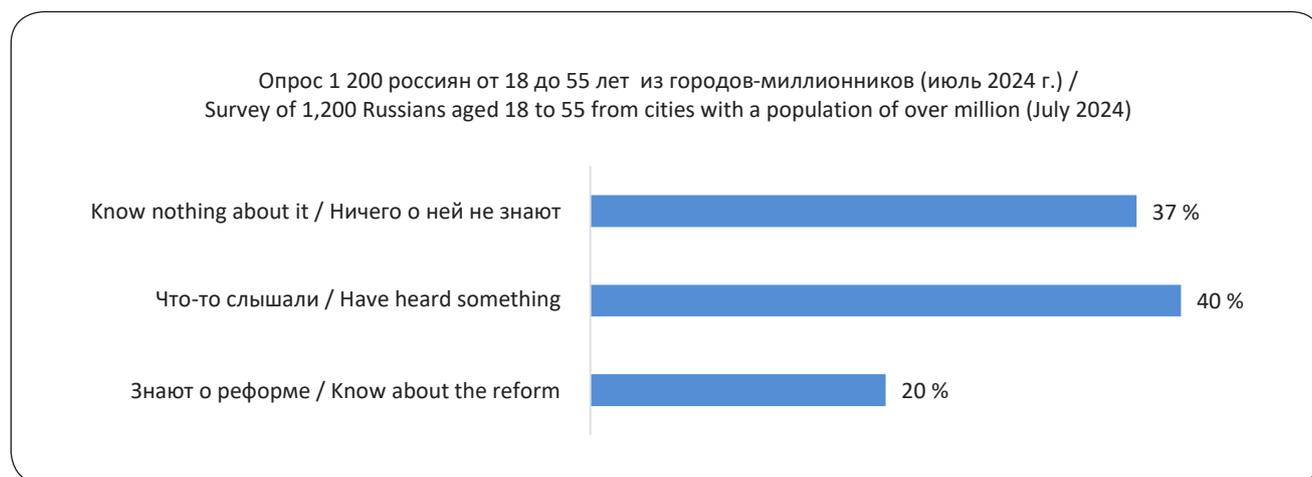

Рис. 2. Результаты проведенного опроса россиян о реформе высшего образования

Источник: Цифры: о реформе системы высшего образования, похоже, знает лишь каждый пятый россиянин. Skillbox. <https://skillbox.ru/media/education/tsifry-o-reforme-sistemy-vysshego-obrazovaniya-pokhozhe-znaet-lish-kazhdyy-pyatyy-rossiyanin/>

Fig. 2. Results of a survey of Russians on the higher education reform

Source: Figures: Only one in five Russians seems to know about the reform of the higher education system. Skillbox. <https://skillbox.ru/media/education/tsifry-o-reforme-sistemy-vysshego-obrazovaniya-pokhozhe-znaet-lish-kazhdyy-pyatyy-rossiyanin/>

¹⁰ Интервью министра науки и высшего образования РФ В. Фалькова в Томском государственном университете. Новости Томского государственного университета. https://news.tsu.ru/media/pochemu-v-rf-menyayut-sistemu-vysshego-obrazovaniya/?sphrase_id=525805/

2. Содержания: изменения коснутся не только структуры образовательного процесса, но и его содержания – образовательные программы будут трансформироваться ввиду изменения самого содержания существующих и привычных нам профессий (иллюстрация влияния тренда на высокую скорость изменений). Более того, образовательные программы будут ориентированы равно на получение как фундаментальных (в том числе через возможность мобильности студентов между разными вузами для прохождения курса в том университете, который зарекомендовал себя лучшим в конкретной сфере), так и профессиональных знаний благодаря активному взаимодействию с работодателями через учебные практики уже начиная со второго года обучения.

3. Методологии – планируется увеличение гибкости учебного расписания, которое позволяет учитывать разнонаправленные предпочтения как студентов, так и преподавателей в области выбора метода обучения – предпочтительное соотношение аудиторных и дистанционных часов, методы оценивания, оперативное предоставление аудиторий и др.

Таким образом, планируемая реформа является не просто корректировкой существующей системы высшего образования, а предполагает масштабные изменения и существующий уровень осведомленности населения (часть которого будет или уже является полноценными участниками образовательного процесса), согласно опросу, описанному выше, демонстрирует необходимость повышения уровня информированности в будущем с целью нивелирования потенциального снижения уровня доверия к реформам. Безусловно, результаты одного опроса могут быть нерепрезентативными по отношению ко всему населению, но на данный момент описанное исследование опроса мнений по поводу предстоящих реформ является единственным масштабным «барометром» общественного мнения по поводу реформы высшего образования.

Результаты качественного исследования в виде глубинных интервью, проведенных с преподавателями вузов

С целью выявления существующих в профессиональной среде (среди преподавателей вузов) нарративов относительно их отношения к планируемым изменениям в рамках реформирования системы высшего образования и выявления существующих на данный момент в системе высшего образования проблем, влияющих на уровень доверия акторов к реформам, в целом было проведено 16 глубинных интервью с действующими преподавателями вузов. Отбор респондентов осуществлялся до точки насыщения методом построения экспертной сетевой выборки (*peer-referrals constituting network sampling*), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (*targeted samples*). Выбор респондентов осуществлялся с учетом необходимости дифференциации по регионам (участвовали респонденты из Ростова-на-Дону, Москвы, Новосибирска, Керчи, Новочеркасска, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга). Также соблюдалась дифференциация по направлениям преподавания (гуманитарные науки (экономика, политология), естественные науки (физика, математика, автоматизация производства, механика) и медицина).

На вопрос, касающийся происходящего перехода от Болонской системы высшего образования, респонденты отмечают недостаточную осведомленность о планируемых изменениях: есть понимание о происходящих изменениях, но без деталей относительно содержания данных изменений (проявление асимметрии информации, см. Приложение 1. Высказывания 1 и 2).

Помимо вопросов, связанных с осведомленностью относительно происходящих изменений, обсуждались направления улучшения текущей системы образования с целью формирования понимания существующих ожиданий непосредственных участников образовательного процесса от будущего реформирования системы. Были отмечены следующие проблемы, влияющие на уровень доверия к проводимым реформам (Приложение 1. Высказывания 3–7):

- 1) низкий объем финансирования научных лабораторий;
- 2) низкий уровень средней заработной платы преподавателей, которая вынуждает увеличивать нагрузку, «добирать часы»;
- 3) высокий уровень «бюрократизации» учебного процесса – необходимость заполнения большого объема документов: однако здесь стоит отметить, что уровень бюрократизации в вузах с использованием системы ЭДО оценивается ниже благодаря электронизации некоторых выполняемых ранее вручную действий, связанных с документооборотом;

4) низкий уровень системности, последовательности реформирования системы высшего образования: высказывалось мнение о том, что изменения системы образования, как и любой другой институциональной системы, должны быть более последовательными без резких колебаний, насколько это возможно в существующих условиях геополитической нестабильности.

Непоследовательность проводимых изменений в совокупности с отмечаемым недостаточным уровнем финансирования при одновременно высокой нагрузке преподавателей, согласно мнению респондентов, негативно сказывается на уровне доверия, существующем в системе высшего образования у ее акторов к проводимым изменениям. Повышение доверия к реформам, в свою очередь, связано со степенью сонаправленности проводимых реформ с существующими ожиданиями относительно функционирования данной системы у ее основных акторов и в сложившейся неформальной среде университета.

Неформальная среда университета

Среди направлений улучшения образовательного процесса в высшей школе важное значение придается поддержанию неформальной среды университета, которая является важнейшим фактором формирования высокого качества человеческого капитала. Под неформальной средой подразумеваются в данном случае существующие взаимоотношения между студентами и преподавателями, ощущение ответственности студентов за свой будущий профессионализм не только ради получения заветного диплома как «билета» в будущую карьеру, но и ради формирования внутри себя системы структурированных знаний, применение которых будет решать существующие проблемы в самых различных сферах общественной жизни.

Крайне важно понимание глобальной миссии университета, его основных целей в текущих условиях быстрых изменений. Традиционные представления о двух миссиях университета как об образовательной и научной дополняются еще одной, третьей миссией университета, направленной на решение социальных проблем. При этом определение третьей миссии университета варьируется в различных публикациях. Одни авторы включают в данную миссию, помимо социального, также предпринимательский фактор, что является достаточно дискуссионным ввиду того, что, с одной стороны, «университеты предлагают наибольшую концентрацию ресурсов знаний для поддержки местного и регионального развития и не использовать этот потенциал было бы слишком большой роскошью в условиях глобализации» (Montesinos & Martinez, 2008. P. 262). С другой – существует объективное противоречие в сочетании научно-образовательной и предпринимательской сторон университета (Кудряшова, Сорокин, 2020. С. 20). Именно поэтому третью миссию университета часто рассматривают более масштабно в виде формирования научно ориентированного мировоззрения и повышения открытости научного сообщества. Данные нарративы по поводу открытости науки присутствовали и у респондентов, участвующих в интервью:

«Одной из задач университета должна быть тотальная борьба с безграмотностью, с какими-то ложными убеждениями, которые далеки от науки. Ведь в науке же многие вещи, которые сейчас у людей вызывают какой-то эвристический восторг, уже давно описаны. И вопросы, в которых не могут разобраться, тоже давно описаны. Конечно, университету нужно, в том числе в виде реализации третьей миссии, как-то участвовать в этом. С этой целью я, например, с удовольствием читаю бесплатные публичные лекции» (доцент, 39 лет, стаж преподавательской деятельности – 11 лет).

В некоторых российских вузах даже ведется мониторинг осуществления третьей миссии, например в Высшей школе экономики в рамках данного мониторинга за 2021 г. был приведен отчет о деятельности вуза по достижению 17 целей¹¹, среди которых выделены как сугубо социальные сферы в виде ликвидации нищеты (получение права на бесплатное обучение абитуриентами, нуждающимися в поддержке, но не имеющими государственных льгот, функционирование программ поддержки студентов в виде предоставления скидки (от 25 до 70 % от годовой стоимости) на обучение за академические успехи), ликвидации голода. Также к преследуемым целям относится обеспечение качественного образования как для студентов в виде более раннего их вовлечения в исследовательскую деятельность, повышения открытости университета в рамках сотрудничества с региональными вузами (стажировки, проведение образовательных интенсивов командам вузов-партнеров,

¹¹ Отчет НИУ ВШЭ. (2021). <https://3mission.hse.ru/mirror/pubs/share/570785024>

проведение регулярных социологических и статистических исследований системы образования), так и для взрослых граждан в виде бесплатных курсов и программ. Данные отчеты публикуются также на сайтах зарубежных университетов (Канады, США, Великобритании и др.) и связаны с осуществлением миссии университета по устойчивому развитию, по экономическому, экологическому вкладу в развитие региона и др.¹²

В качестве характеристик неформальной среды вуза можно выделить следующие:

1. Цель получения диплома: согласно представленным в ноябре 2024 г. результатам опроса, проведенным ВЦИОМ, около 18 % респондентов воспринимают получение высшего образования как социальный лифт (что на 5 процентных пунктов выше, чем в 2019 г.) и 11 % респондентов в качестве своей мотивации указывают социальное давление («так принято»). Около 60 % респондентов тесно связывают получение диплома с дальнейшей возможностью построения карьеры, трудоустройства на хорошую работу¹³.

2. Формат проведения занятий – использование дистанционных методов в образовательном процессе, согласно мнению респондентов интервью, влияет на снижение эмоциональной вовлеченности студентов во время занятий и, как следствие, не способствует повышению уровня доверия и взаимопонимания.

3. Низкая вовлеченность студентов в студенческие активности: участие во внеучебной внутривузовской деятельности способствует формированию чувства принадлежности к внутриуниверситетскому сообществу. В России данный уровень вовлеченности исторически ниже, чем, например, в США: согласно проведенному Высшей школой экономики мониторингу, в 2020/21 учебном году около 68 % студентов не участвовали в различных видах научной/проектной деятельности (рис. 3).

Процент вовлечения в студенческие организации составляет 32 % от общего количества студентов¹⁴. В качестве сравнения приведем исследование, регулярно проводимое Калифорнийским университетом для оценки поведенческих паттернов студентов данного вуза: в 2022 г. среди опрошенных 60 000 студентов около 73 % участвовали хотя бы в одном виде внеучебной деятельности¹⁵ и 53 % были вовлечены в деятельность студенческой организации.

4. В ходе проведения исследования межпоколенческих особенностей В. Радаев отмечал наличие особенностей поколения миллениалов и зумеров, которые напрямую влияют на уровень усваиваемости знаний в высшей школе. Данные поколения с социологической точки зрения характеризуются такими чертами, как сниженная способность к длительной концентрации, параллельная вовлеченность в несколько коммуникативных сред и «раздерганность сознания» (Радаев, 2019. С. 185). Более низкий уровень длительной концентрации у студентов данных поколений приводит в том числе к изменению внутренних запросов студентов относительно корректировки роли университетов, которое видится не только в приобретении большого объема знаний, но и в передаче смыслов и интереса к обучению (мотивация на обучение длиной в жизнь). Также в рамках все увеличивающегося уровня информационного шума требуется развитие навыков структурирования, осмысливания информации и выделения ключевой проблемы.

5. Научно-исследовательская культура студентов.

Выбор научной карьеры студентами является важным показателем уровня доверия выпускников вузов к системе высшего образования в целом, так как это выбор в пользу долгосрочного сотрудничества с данной системой. Если говорить о динамике выбора студентами научной траектории развития, то респонденты во время интервью отмечали стабильность размера доли выпускников, оставшихся в вузе после выпуска для обучения в аспирантуре, защите кандидатской диссертации и т. д. Данную стабильность связывают со специфичностью деятельности, которая по своему содержанию не может подходить всем. Однако если говорить о студентах, предрасположенных к ней, но при этом все равно делающих выбор не в пользу науки, то здесь все респонденты в виде барьеров отмечают низкую заработную плату и связанную с этим неопределенность относительно своего будущего.

¹² Третья миссия в зарубежных университетах. Высшая школа экономики. <https://3mission.hse.ru/catalog3m>

¹³ Высшее образование в России: мониторинг. (2024, 26 ноября). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring>

¹⁴ Внеучебная деятельность как фактор академической успешности студентов. (2022). Мониторинг экономики образования, 10(27). НИУ ВШЭ. [https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10\(27\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf)

¹⁵ Institutional research and academic planning. (2023). University of California. https://www.ucop.edu/institutional-research-academic-planning/_files/extra-curricular-participation-and-student-success.pdf

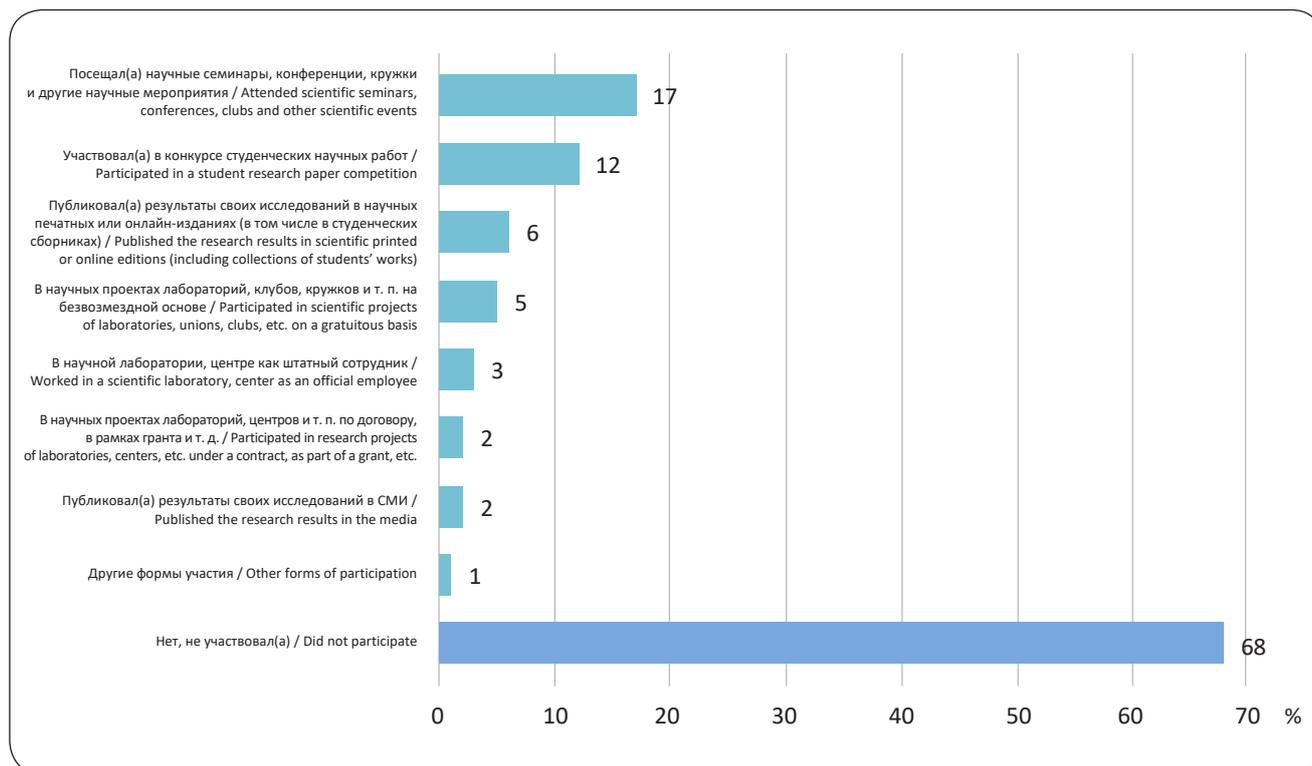

Рис. 3. Участие студентов в различных видах научной/проектной деятельности

Источник: Внеучебная деятельность как фактор академической успешности студентов. (2022). Мониторинг экономики образования, 10(27). НИУ ВШЭ. [https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10\(27\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf)

Fig. 3. Students' participation in various types of scientific/project activities

Source: Extracurricular activities as a factor of students' academic success. (2022). *Monitoring of the economy of education*, 10(27). HSE Research University. [https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10\(27\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf)

Помимо внутренней предрасположенности студента и внешней мотивации в виде заработной платы, важную роль играет существующий в обществе нарратив относительно уровня престижа профессии ученого. Согласно проведенному в июне 2023 г. опросу 1 600 человек от 18 до 55 лет, среди молодежи лишь 56 % опрошенных отметили престижность данной профессии (для сравнения в 2013 г. данный показатель составлял 55 %) ¹⁶. При этом, если сравнивать этот показатель со среднемировыми значениями, то можно увидеть, что в 16 странах (участвующих в масштабном опросе относительно уровня престижа разных профессий ¹⁷) профессия ученого по важности для общества сопоставима с профессией врача. Данный уровень измерялся в баллах, и на графике показан уровень проставленных респондентами оценок для профессий ученого и врача, которые набрали наибольшее количество баллов по сравнению со всеми остальными профессиями (рис. 4).

Понимание необходимости повышения престижа данной профессии крайне важно ввиду того, что снижение количества молодых людей, выбирающих науку в качестве карьерного пути, может приводить к разрушению преемственности научных школ, затруднению передачи опыта и знаний будущим поколениям, снижению мотивации молодых ученых к ведению научной деятельности. Тем не менее уже сейчас можно наблюдать положительные сдвиги в данном направлении в проводимой политике: например, в Стратегии научно-техно-

¹⁶ Ученый и инженер: престижность профессий. (2023, 13 июля). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-glazami-rossijan>

¹⁷ Опрос проведен международной группой, специализирующейся на онлайн исследованиях, – Yougov. <https://today.yougov.com/economy/articles/33995-international-profession-perception-poll-data>

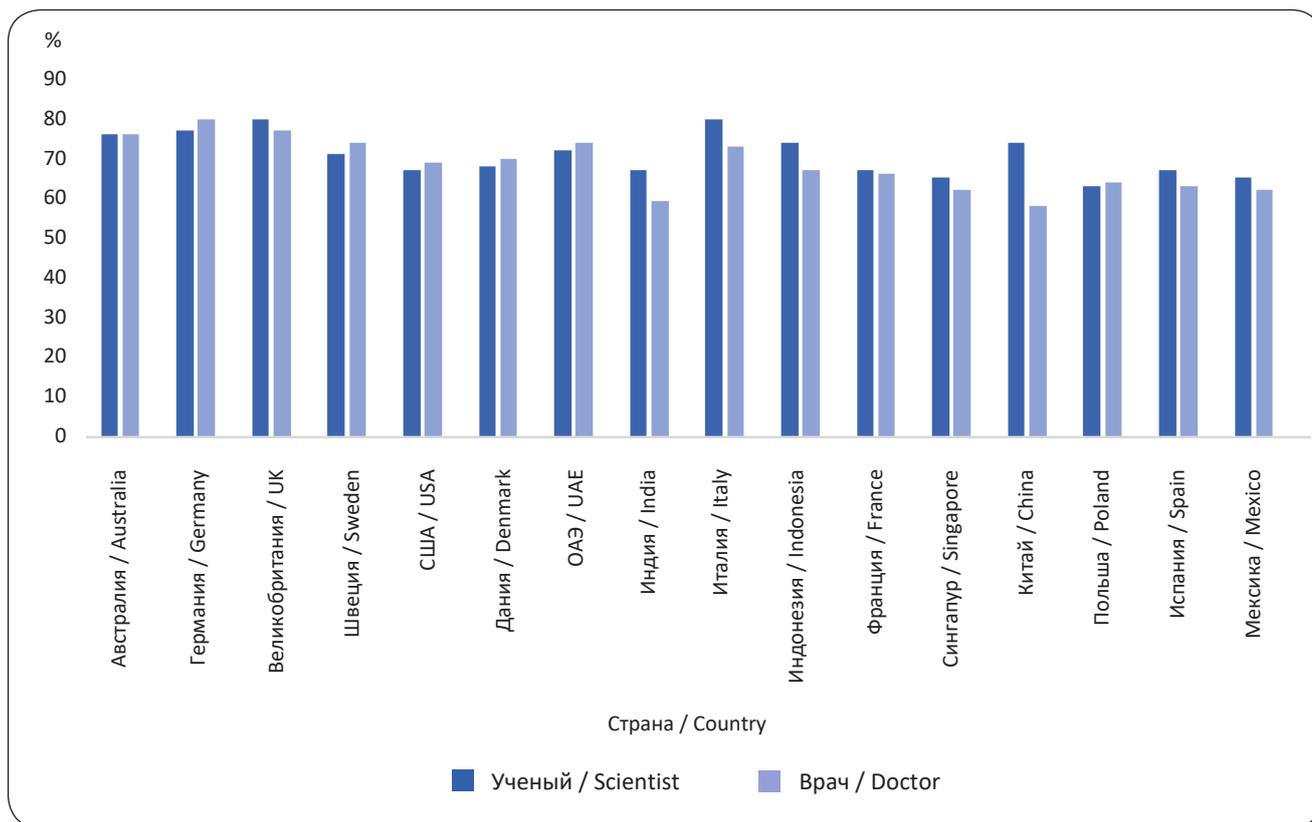

Рис. 4. Присвоенные респондентами разных стран оценки профессиям по критерию «наиболее уважаемая профессия»

Источник: составлено автором на основании данных проведенного международной группой Yougov онлайн-исследования. Опрос проведен в ноябре – декабре 2020 г. <https://today.yougov.com/economy/articles/33995-international-profession-perception-poll-data>

Fig. 4. Ranking assigned by respondents from different countries to professions according to the “the most respected profession” criterion

Source: compiled by the author based on data from an online study conducted by the international Yougov group. The survey was conducted in November – December 2020. <https://today.yougov.com/economy/articles/33995-international-profession-perception-poll-data>

логического развития РФ¹⁸ в числе способов создания возможностей для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки выделена необходимость повышения авторитета ученых в обществе¹⁹. Некоторые респонденты также отмечают, что уже есть «положительные сигналы» в данной политике поддержки молодых ученых, но тем не менее «работы еще предстоит достаточно много» (Приложение 1. Высказывание 8).

6. Достаточно низкий уровень коммуникации вузов в Интернете, что является показателем открытости вуза на различных платформах. Согласно Московскому международному рейтингу вузов по количеству подписчиков в социальных сетях, российские вузы могут быть отнесены к аутсайдерам: у вузов в России средний показатель составляет 30 тыс. человек, что в 6 раз ниже среднемирового уровня²⁰.

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. (2024). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>

¹⁹ Там же.

²⁰ Три миссии университета: Московский международный рейтинг. (2021, август). https://mosiur.org/files/analytics/RU_MosIUR_2021_Analytical_Commentary.pdf

Вышеперечисленные особенности неформальной среды университета в совокупности с выявленными нарративами преподавателей относительно существующего уровня доверия к проводимым реформам и ожиданий от данных реформ позволяют по-новому взглянуть на институт высшего образования как сложную систему взаимодействия внутренних и внешних акторов, колебание уровня доверия которых может влиять на эффективность текущего и будущего реформирования.

Заключение

Процесс реформирования требует баланса между необходимостью проведения изменений и сохранением доверия акторов (которое может снизиться ввиду повышения уровня неопределенности), в отношении которых эти изменения внедряются. Низкий уровень доверия – одна из причин возникновения барьеров в осуществлении институциональных изменений и в крайнем случае распространения оппортунистического поведения ввиду непринятия новых формальных правил. Данный фактор приобретает особую важность в России ввиду исторически низкого уровня доверия в обществе, колебания которого коррелируют с происходящими изменениями в экономической и социальных сферах. Система высшего образования в России как институт генерации и распространения знаний достаточно эластична по отношению к проводимым изменениям, и результаты проведенных интервью показали наличие осторожного отношения ее акторов к любым изменениям.

В рамках исследования подтверждена гипотеза о существовании низкого уровня доверия основных акторов системы высшего образования (преподавателей вузов) к проводимым реформам в системе высшего образования. В частности, подтверждено предположение о низком уровне осведомленности преподавателей относительно планируемых изменений в связи с уходом от Болонской системы (наличие асимметрии информации), что в совокупности с отмеченными респондентами проблемами, существующими в системе высшего образования на протяжении уже длительного времени (см. ниже), ограничивают возможность повышения данного уровня доверия:

- 1) недостаточный уровень финансирования научных лабораторий;
- 2) низкий уровень заработной платы преподавателей, вынуждающий увеличивать нагрузку, «добирать часы», что влияет на качество обучения студентов;
- 3) высокий уровень бюрократизации учебного процесса;
- 4) необходимость повышения системности, последовательности реформирования системы высшего образования, а также снижения частоты проведения данных изменений.

Таким образом, для повышения успеха внедрения новых формальных норм необходимо учитывать сложившиеся ожидания акторов реформируемой системы, а также создать прозрачную систему информирования о предстоящих изменениях, что позволит повысить уровень доверия к предстоящим реформам.

Список литературы

- Амбарова, П. А., Зборовский, Г. Е., Шаброва, Н. В. (2019). Старое и новое доверие в высшем образовании. *Образование и наука*, 21(1), 9–36. EDN: VVQUBO. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-1-9-36>
- Андропова, И. В., Лаптева, Н. В. (2020). Болонский процесс как фактор политики реформирования системы высшего образования в современной России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*, 20(4), 464–469. EDN: KPUKHS. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-464-469>
- Бахарева, Т. В. (2012). Неформальные институты как объект научного анализа. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, 5(44), 12–16. EDN: PLRKNN
- Бермус, А. Г. (2025). Проблемы и перспективы постболонского реформирования системы высшего образования в России: теоретический обзор. *Педагогика. Вопросы теории и практики*, 10(1), 43–51. EDN: XMQNHN. DOI: <https://doi.org/10.30853/ped20250006>
- Васильев, И. А., Дивеева, Н. И., Дмитрикова, Е. А., Кашаева, А. А., Шевелева, Н. А. (2020). Автономия университетов: необходимое условие развития российского высшего образования в условиях цифровизации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 11(4), 877–902. EDN: BKVQRN. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.404>
- Васкевич, Т. В. (2017). Унификация национальных образовательных систем Европы как следствие Болонского процесса: проблемы и утраты. *Современное образование*, 4, 85–100. EDN: YLTAAN. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2017.4.24916>
- Веблен, Т. (2021). *Теория праздного класса*. Litres.

Воронин, Г. П. (2021). Болонская система образования: будущее страны в опасности? *Стандарты и качество*, 5, 1–1. EDN: YVHFHA

Гилязова, О. С., Замошанская, А. Н. (2023). Дилемма «советские традиции – болонские инновации»: к вопросу о выборе модели российского высшего образования. *ЦИТИСЭ*, 2, 308–317. EDN: LEIRFS. DOI: <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.2.26>

Гребенкин, А. Н., Фомина, М. Г. (2024). Система российского высшего образования в контексте ухода из Болонского процесса. *Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет – 25 лет развития: материалы XIV Международной научно-практической конференции*. Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского.

Григорьевский, Л. Б., Иващенко, Г. А., Фрейберг, С. А. (2021). Болонский процесс в России: история, противоречия и перспективы. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*, 1, 97–103. EDN: TWDUND. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-1-97-103>

Зазнаев, О. И., Сидоров, В. В. (2019). Модели контролируемой передачи президентской власти. *Политическая наука*, 4, 16–37. EDN: BRFNDA

Кошелева, Е. Г. (2021). Государственное регулирование системы образования: теоретико-концептуальный подход. *Образование и проблемы развития общества*, 4(17), 67–74. EDN: GNPPTS

Кудряшова, Е. В., Сорокин, С. Э. (2020). «Третья миссия» университетов как предмет научного анализа. *Вестник Вятского государственного университета*, 2(136), 17–24. EDN: WGQCPJ. DOI: <https://doi.org/10.25730/vsu.7606.20.020>

Купрейченко, А. (2015). *Психология доверия и недоверия*. Москва: Институт психологии РАН.

Лагова, Н. В. (2016). Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда). *Вестник Института социологии*, 4(19), 155–179. EDN: XWETNN. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433>

Либман, А. М. (2006). Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация. *Общественные науки и современность*, 6, 53–65. EDN: HVUGIH

Полтерович, В. (2012). Проектирование реформ: как искать промежуточные институты. *Montenegrin Journal of Economics*, 8(2), 25–44.

Попов, Е. В., Веретенникова, А. Ю., Наумов, И. В., Козинская, К. М. (2018). Неформальная институциональная среда социального предпринимательства. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 11(4), 217–234. EDN: XYLJCH. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.14>

Ридингс, Б. (2022). *Университет в руинах*. Litres.

Радаев, В. (2019). *Миллениалы. Как меняется российское общество*. Litres. EDN: STOTFS. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>

Тамбовцев, В. Л. (2020). Методология эмпирического анализа неформальных институтов. *Журнал институциональных исследований*, 12(3), 6–23. EDN: OPHNLS. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.006-023>

Фуруботн, Э. Г. (2005). *Институты и экономическая теория*. Санкт-Петербург: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та. EDN: QQLPBF

Шахова, Д. И. (2023). Культурный код или особый путь России. *Вопросы регулирования экономики*, 14(2), 33–43. EDN: ZTVDJC. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2023.14.2.033-043>

Шахова, Д. И. (2024). Влияние социокультурных факторов на стабильность экономических институтов в России. *Вопросы регулирования экономики*, 15(1), 66–75. EDN: FIVAOC. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2024.15.1.066-075>

Ширяев, И. М., Фурса, Е. В., Маскаев, А., Мокроусова, Д. И. (2019). Доверие и институциональные ловушки в сфере образования и науки. *Вопросы регулирования экономики*, 10(4), 146–161. EDN: VNLRWE. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.4.146-161>

Шуклина, Е. А., Певная, М. В. (2017). Доверие как институциональная проблема высшего образования. *Университетское управление: практика и анализ*, 21(5(111)), 120–131. EDN: ZXYKNT

Alt, D., & Raichel, N. (2022). Problem-based learning, self-and peer assessment in higher education: towards advancing lifelong learning skills. *Research Papers in Education*, 37(3), 370–394. EDN: TNZVPB. DOI: <https://doi.org/10.1080/0267152.2.2020.1849371>

Barendregt, W. (2011). *Gedogen – the psychological aspects of Dutch tolerance*. Enschede: University of Twente.

Helmke, G., & Levitsky, S. (2012). Informal institutions and comparative politics: A research agenda. In *International Handbook on Informal Governance*. (pp. 85–113). Edward Elgar Publishing. EDN: ROHYLV. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781781001219.00011>

McLendon, M. K. (2003). State governance reform of higher education: Patterns, trends, and theories of the public policy process. In *Higher education: Handbook of theory and research* (pp. 57–143). https://doi.org/10.1007/978-94-010-0137-3_2

Montesinos, P., Carot, J. M., Martinez, J. M., & Mora, F. (2008). Third mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research. *Higher Education in Europe*, 33(2-3), 259–271. <https://doi.org/10.1080/03797720802254072>

Mozelius, P., Cleveland-Innes, M., Lindqvist, M. H., & Jaldemark, J. (2024). Critical Aspects of a Higher Education Reform for Continuous Lifelong Learning Opportunities in a Digital Era. *Electronic Journal of Knowledge Management*, 22(1), 26–39. EDN: HUBKRX. DOI: <https://doi.org/10.34190/ejkm.22.1.3258>

Perry, G. J., Lopez, H., Maloney, W. F., Arias, O., & Serven, L. (2006). *Poverty reduction and growth: virtuous and vicious circles*. World Bank Publications. <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-6511-3>

Williamson, C. R. (2012). Contracting Institutions. SSRN. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2191298>

References

- Alt, D., & Raichel, N. (2022). Problem-based learning, self-and peer assessment in higher education: towards advancing lifelong learning skills. *Research Papers in Education*, 37(3), 370–394. EDN: TNZVPB. DOI: <https://doi.org/10.1080/02671522.2020.1849371>
- Ambarova, P. A., Zborovsky, G. E., & Shabrova, N. V. (2019). “Old” and “new” trust in higher education. *The education and Science Journal*, 21(1), 9–36. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-1-9-36>
- Andronova, I. V., & Lapteva, N. V. (2020). Bologna process as a factor of higher education system. Reformation policy in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 20(4), 464–469. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-464-469>
- Bachareva, T. V. (2012) Informal Institutions as focus of Scientific Analysis. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo soczjalno-ekonomicheskogo universiteta*, 5(44), 12–16.
- Barendregt, W. (2011). *Gedogen – the psychological aspects of Dutch tolerance*. Enschede: University of Twente.
- Bermus, A. G. (2025). Problems and prospects of post-Bologna reform of the higher education system in Russia: A theoretical review. *Pedagogy. Theory and practice*, 10(1), 43–51. <https://doi.org/10.30853/ped20250006>
- Furubotn, E. G. (2005). *Institutions and Economic Theory*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University.
- Gilyazova, O. S., & Zamoshchanskaya, A. N. (2023). The dilemma “Soviet traditions – Bologna innovations”: On the issue of choosing a model of Russian Higher education. *Citise*, 2, 308–317. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.2.26>
- Grebenkin, A. H., & Fomina, M. G. (2024). *Russian higher education system in the context of withdrawal from the Bologna process. Russia and the world: development of civilizations. World, country, university – 25 years of development: works of the 14th International scientific-practical conference*. Zhirinovsky University of World Civilizations.
- Grigorevsky, L. B., Ivashchenko, G. A., & Freiberg, S. A. (2021). The Bologna Process in Russia: history, contradictions and prospects. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 1, 97–103. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-1-97-103>
- Helmke, G., & Levitsky, S. (2012). Informal institutions and comparative politics: A research agenda. In *International Handbook on Informal Governance*. (pp. 85–113). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781781001219.00011>
- Kudryashova, E. V., & Sorokin, S. A. (2020). “Third mission” of universities as a subject of scientific analysis. *Herald of Vyatka State University*, 2(136), 17–24. <https://doi.org/10.25730/vsu.7606.20.020>
- Kupreichenko, A. (2015). *Psychology of trust and distrust*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
- Kosheleva, E. G. (2021). State regulation of the education system: a theoretical and conceptual approach. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva*, 4(17), 67–74.
- Latova, N. V. (2016). Russians’ Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede’s Concept). *Vestnik Instituta sociologii (Bulletin of the Institute of Sociology)*, 4(19), 155–179. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433>
- Libman, A. M. (2006). Institutional competition and post-Soviet transformation. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 53–64.
- McLendon, M. K. (2003). State governance reform of higher education: Patterns, trends, and theories of the public policy process. In *Higher education: Handbook of theory and research* (pp. 57–143). https://doi.org/10.1007/978-94-010-0137-3_2
- Montesinos, P., Carot, J. M., Martinez, J. M., & Mora, F. (2008). Third mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research. *Higher Education in Europe*, 33(2-3), 259–271. <https://doi.org/10.1080/03797720802254072>
- Mozelius, P., Cleveland-Innes, M., Lindqvist, M. H., & Jaldemark, J. (2024). Critical Aspects of a Higher Education Reform for Continuous Lifelong Learning Opportunities in a Digital Era. *Electronic Journal of Knowledge Management*, 22(1), 26–39. EDN: HUBKRX. DOI: <https://doi.org/10.34190/ejkm.22.1.3258>
- Perry, G. J., Lopez, H., Maloney, W. F., Arias, O., & Serven, L. (2006). *Poverty reduction and growth: virtuous and vicious circles*. World Bank Publications. <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-6511-3>
- Polterovich, V. (2012). Reform design: How to search for interim institutions. *Montenegrin Journal of Economics*, 8(2), 25–44.
- Popov, E. V., Veretennikova, A. Yu., Naumov, I. V., & Kozinskaya, K. M. (2018). Non-formal institutional environment of social entrepreneurship. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(4), 217–234. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.14>
- Radaev, V. (2019). *Millennials. How the Russian society is changing*. Litres. EDN: STOTFS. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>
- Readings, B. (2022). *The University in Ruins*. Litres.
- Shakhova, D. I. (2023) Cultural code of the Third Way of Russia. *Journal of Economic Regulation*, 14(2), 33–43. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2023.14.2.033-043>
- Shakhova, D. I. (2024). The Influence of social and cultural factors on the stability of economic institutions in Russia. *Journal of Economic Regulation*, 15(1), 66–75. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2024.15.1.066-075>
- Shiriaev, I. M., Fursa, E. V., Maskae, A., & Mokrousova, D. I. (2019). Trust and institutional traps in education and science. *Journal of Economic Regulation*, 10(4), 146–161. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.4.146-161>
- Shuklina, E. A., & Pevnaya, M. V. (2017). Trust as an institutional problem of higher education. *Journal University Management: Practice and Analysis*, 21(5), 120–131.
- Tambovtsev, V. (2020). Methodology for empirical analysis of informal institutions. *Journal of Institutional Studies*, 12(3), 6–23. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.006-023>

- Tambovtsev, V. (2021). *Economic theory of informal institutions*. Litres.
- Vasiliev, I. A., Diveeva, N. I., Dmitrikova, E. A., Kashaeva, A. A., & Sheveleva, N. A. (2020). University autonomy: a prerequisite for the development of Russian higher education in the context of digitalization. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 11(4), 877–902. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.404>
- Vaskevich, T. V. (2017). Unification of national education systems in Europe as a Consequence of the Bologna Process: Problems and Losses. *Modern Education*, 4, 85–100. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2017.4.24916>
- Veblen, Th. (2021). *The Theory of the Leisure Class*. Litres.
- Voronin, G. P. (2021). Bologna system of education: the country's future is in danger? *Standard and Quality*, 5, 1–1.
- Zaznaev, O. I., & Sidorov, V. V. (2019). Models of controlled transfer of presidential power. *Political Science*, 4, 16–37.
- Williamson, C. R. (2012). Contracting Institutions. SSRN. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2191298>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ответы респондентов

Высказывание 1. «Обсуждаемые в рамках перехода от Болонской системы изменения пока что не происходят в нашем вузе. Я знаю только из обсуждений, которые посвящены данному переходу, что это в значительной степени возвращение к советской системе образования, что является достаточно спорным. Реальные изменения начнутся только с 2026 г. А сейчас только несколько вузов в порядке эксперимента тестируют новую систему образования» (профессор, 70 лет, стаж преподавательской деятельности – 35 лет).

Высказывание 2. «Все зависит от того, в каком формате реализуют сам отход от Болонской системы, потому что есть понимание, что мы от нее уходим, но мы пока не в полной мере понимаем, к чему приходим. И, соответственно, не видя новую реальность, сложно ее сравнивать со старой реальностью. Если реформа пройдет успешно, то что-то удастся улучшить. Но пока непонятны контуры этих реформ. Кроме смены вывески, что у нас теперь по-другому называются уровни образования, я пока не до конца для себя это осмысливаю» (преподаватель, 26 лет, стаж преподавательской деятельности – 4 года).

Высказывание 3. «Первое – это более частое обновление образовательных программ с учетом реальной ситуации на рынке труда и прогностической ситуации. Второе – де бюрократизация. Третье – реформирование системы показателей с целью вовлечения преподавателей для большего взаимодействия со студентами. Потому что преподаватели больше заняты бумагами, чем людьми. Должно быть наоборот. И, в-четвертых, что мне кажется важным, – это нормальная, адекватная заработная плата. Потому что человек с зарплатами в региональных вузах 30–40 тысяч думает о выживании, а не о том, как учить людей» (преподаватель, 26 лет, стаж преподавательской деятельности – 4 года).

Высказывание 4. По загрузке мне достаточно 400 часов, из них лекционных 150 часов – это минимальная нагрузка, и это значит, что ваша зарплата будет очень невысокой. Поэтому все ищут нагрузку с выпученными глазами, потому что иначе ты не получишь хоть какие-то деньги, которые были бы более-менее. Ну, и когда у тебя загрузка уже 900 часов, то времени на написание статей остается очень немного» (профессор, 66 лет, стаж преподавательской деятельности – 37 лет).

Высказывание 5. «Мы же все институциональную экономику в той или иной степени знаем. Все институциональные сдвиги даются очень болезненно. Тем более когда это делается достаточно быстро, иногда в авральном порядке. Я понимаю, что есть общая логика, внешние переменные, очень серьезные, и пр. Но по возможности, если бы мы систему не трогали, мне кажется, это было как раз главным плюсом» (профессор, 38 лет, стаж преподавательской деятельности – 16 лет).

Высказывание 6. «Не надо резко шарахаться из стороны в сторону. Когда переходили на Болонскую систему, нашу систему образования буквально сломали о колено. Был сильный спад по качеству образования. Это сменилось дальнейшей настройкой, формированием нормальных требований. В настоящий момент Болонская система настроена и функционирует. Мы прошли большой путь. Главное для системы образования – эволюционное развитие без резких шахаханий, последовательность действий» (доцент, 38 лет, стаж преподавательской деятельности – 15 лет).

Высказывание 7. «Постоянно происходят какие-то усовершенствования, усложнения. Мы уже запутались просто. Те же самые компетенции можно так написать, чтобы подошло под актуальные на данный момент требования. Ну, собственно, все так и делают. Огромную кучу времени тратят на формулировку так, чтобы туда все подошло. И нужно что-то с этим делать. Вот эта рутинная работа: расписывать компетентностную модель, потом какие-то единицы, потом какие-то показатели. Потом пришло письмо о том, что нужно переписать все тестовые задания по всем дисциплинам так, чтобы были и закрытые, и открытые тесты. И вот мы сидели и кучу времени тратили на то, чтобы перерабатывать все тестовые задания. Вот скажите, зачем это нужно было? Это вот наша правовая ловушка. Правовая в чем? Правовая в смысле формирования нормативно-правовых актов в нашем Министерстве науки и высшего образования. Мы бы лучше действительно еще статью написали, если уж сравнивать. Поэтому, исходя из того, что иногда мы получаем в качестве нормативно-правовых документов, и формируется недоверие к реформам в образовании» (доктор экономических наук, профессор, 2025 год, интервью).

Высказывание 8. «Вообще, мне кажется, что в последние годы не только у нас на факультете, но и в целом в стране есть положительные сигналы, которые говорят о том, что да, наверное, всегда можно и нужно требовать большего, чтобы было больше грантовых программ, чтобы и поддержка молодых ученых была получше. Но, в принципе, делается немало. Мне кажется, у ведущих, по крайней мере, университетов много что делается и на местах, для того чтобы молодым коллегам создать мало-мальски комфортные условия. Еще раз подчеркну, нужно делать, наверное, больше, это наша совместная задача, но в целом положительные сдвиги, наверное, есть, хотя, конечно, работы предстоит много» (доктор экономических наук, профессор).

Высказывание 9. «В качестве желаемых изменений выделю следующее: меньше регламентации, меньше бюрократизации, больше децентрализации и условий для свободы творчества»²¹ (доцент, 52 года, стаж преподавательской деятельности – 27 лет).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 19.03.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 05.05.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

²¹ Согласно А. Б. Веберу, свобода творчества является одним из необходимых условий формирования инновационной экономики.